

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 340.12

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-847-854

Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников

Липич Т.И. , Липич Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lipich@bsu.edu.ru; lipich_v@bsu.edu.ru

Аннотация. На протяжении всего XIX века в отечественной философии права не утихали споры о формировании справедливого гражданского общества, в котором был бы найден баланс между религией, моралью и правом. В современном российском обществе появилась потребность в изучении наследия прошлого, и прежде всего, анализа философско-правовых взглядов славянофилов и почвенников. Они заложили фундамент осмысления нравственно-правового идеала в русской религиозно-философской мысли, основанного на традиционных ценностях, соблюдении принципов соборности в государственном и общественном устройстве. Авторами рассмотрены вопросы законности как одного из важных элементов понимания славянофилами государственно-правового идеала. В результате выявлено, что славянофилы и почвенники видели объективную связь между общественными отношениями и нормами правового регулирования. Особо отмечали, что правовые обычаи должны формироваться на основе традиций и местных условий в культурной, хозяйственной, бытовой и других сферах жизни общества. Славянофилы и их последователи считали, что определяющим в обществе должен быть примат внутренней правды (справедливости) над внешней (юридическим законом). Авторами сделан вывод о том, что в качестве идеала христианского устройства общества славянофилы провозглашали такое сообщество людей, где люди будут творить добро без внешнего принуждения в виде законов и юридических норм.

Ключевые слова: мировоззрение, закон, справедливость, право, мораль, религия, нравственность, традиции, юридическая норма

Для цитирования: Липич Т.И., Липич Д.В. 2022. Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(4): 847–854. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-847-854

Law and the Idea of Higher Moral Justice Among Slavophiles and Soil Scientists

Tamara I. Lipich , Dmitry V. Lipich

Belgorod-National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: lipich@bsu.edu.ru; lipich_v@bsu.edu.ru

Annotation. Throughout the XIX century, in the Russian philosophy of law, disputes about the formation of a just civil society, in which a balance between religion, morality and law would be found, did not

subside. In this regard, in modern Russian society there is a need to study the heritage of the past, and above all, to analyze the philosophical and legal views of Slavophiles and soil scientists. They laid the foundation for understanding the moral and legal ideal in Russian religious and philosophical thought, based on traditional values, observance of the principles of conciliarity in the state and social structure. The article examines the issues of legality as one of the important elements of the Slavophiles' understanding of the state-legal ideal. As a result, it was revealed that Slavophiles and soil scientists saw an objective connection between social relations and the norms of legal regulation. It was emphasized that legal customs should be formed on the basis of traditions and local conditions in cultural, economic, household and other spheres of society. Slavophiles and their followers believed that the primacy of internal truth (justice) over external (legal law) should be decisive in society.

The authors conclude that the Slavophiles proclaimed such a community of people as the ideal of the Christian structure of society, where people would do good without external coercion in the form of laws and legal norms.

Keywords: worldview, law, justice, law, morality, religion, morality, traditions, legal norm

For citation: Lipich T.I., Lipich D.V. 2022. Law and the Idea of Higher Moral Justice Among Slavophiles and Soil Scientists. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 847–854. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-847-854

Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости
И.С. Аксаков

Введение

Современные исследования в области русской философии права и культуры носят весьма актуальный характер. Прежде всего, это связано с новым осмыслением того духовного багажа, который оставила нам русская философская мысль конца XIX – начала XX века, соединенная с сегодняшними теоретическими размышлениями в самых разных аспектах становления русского национального мировоззрения невидимыми нитями. Одним из таких аспектов является становление русской философии права, русской государственности, законодательства, в целом правовой системы.

Философским, политическим и правовым взглядам славянофилов, неославянофилов и почвенников в современной литературе посвящен ряд работ, направленных на выявление методологической базы формирования русской философии права начала XX века. К примеру, можно выделить работы таких авторов, как Васильев А. А., Клименко Т.М., Киреев А.А., Шипов Д.Н. и другие, которые достаточно подробно рассматривают нравственно-религиозные, философско-правовые аспекты творчества славянофилов, неославянофилов, почвенников.

Вместе с тем в этих исследованиях отсутствует целостный взгляд на анализ теоретического вклада представителей этих направлений в формировании общей философско-правовой концепции, соотношение морали, религии и права в русской религиозно-философской интеллектуальной традиции.

Авторами поставлена цель показать преемственность идей о государстве и праве ранних славянофилов в формировании философско-правовых взглядов представителей почвенничества и неославянофилов; обосновать положение о том, что нравственно-правовой идеал славянофилов формируется на основе традиционных ценностей, на соблюдении принципов соборности в государственном и общественном устройстве.

О соотношении «внутренней» и «внешней» правды в славянофильской государственно-правовой доктрине

Представители разных направлений философско-правовой мысли с большим или меньшим успехом обращались к данной проблематике. Уже старшие славянофилы пытались решить проблему государственно-правового идеала. В частности, И. Киреевский, братья К. и И. Аксаковы, А. Хомяков изучали вопросы соборного устройства русского общества и государства, доминирования духовно-нравственных ценностей и, что очень важно, осмысления справедливости и правды.

Они считали, как отмечал А.А. Васильев, что церковь, семья, община – «внутренняя правда» – являются основными и доминирующими регуляторами жизни людей в обществе, а закон как «внешняя правда» при этом может выполнять только дополнительную функцию [Васильев, 2012]. В этом смысле они явно выступали в противовес западноевропейской традиции, отдающей главенствующую роль закону как «внешней правде» на основе внешнего (государственного) принуждения.

Вопросы законности как одного из важных элементов понимания славянофилами государственно-правового идеала интересовали И. Киреевского, который увидел объективную связь между общественными отношениями и нормами правового регулирования. Он считал, что закон с позиции необходимости и формальной логики может регулировать общественные процессы. По его мнению, русское общество формировалось и развивалось согласно внутреннему нравственному закону и не нуждалось во внешнем ограничительном начале в виде государственных правовых норм, которые, кстати, не просто записывались на бумаге, а фиксировались после того, как проходили свою апробацию в народных нравах и обычаях. Он писал: «Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность основана на искусственных условиях; где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять мнение всех или некоторых. Но там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма» [Киреевский, 2007, с. 208]. Характеризуя русскую традицию в понимании права, И. Киреевский отмечал: «Даже самое слово "право" было у нас известно в западном смысле, но означало только справедливость, правду» [Киреевский, 2007, с. 355]. Также он обращал внимание на тот факт, что в русском праве «внутренняя справедливость брала перевес над внешней формальностью» [там же, с. 174].

Славянофилы при формировании государственно-правовой доктрины исходили из того, что правовые обычаи должны формироваться на основе традиций и местных условий в культурной, хозяйственной, бытовой и других сферах жизни общества. Этих идей придерживался и К. Аксаков, который уделял большое значение общине и общинным отношениям, в основе которых лежат проверенные общественным мнением нравственно-правовые ценности. Он писал: «Для того, чтобы общественное мнение могло существовать, нужны два условия. Первое состоит в том, чтоб общественное мнение высказывалось непринужденно и без стеснения. Второе – в том, чтоб само общество представляло нравственный союз, имеющий одни и те же общие начала и основания, которые только и могут сообщить целостность и единство; без единых нравственных начал общество существовать не может» [Аксаков, www.gosudarstvo.voskres.ru/aksakov.htm].

К. Аксаков разделял взгляды своих единомышленников по вопросам понимания сущности закона. Он также выделял два вида закона: внешний и внутренний. Внешний закон, по его мнению, носит формальный характер, тут не важно, какими внутренними побудительными мотивами руководствуется человек в своих поступках: «его цель – устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку,

чтобы и без неё люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало» [Аксаков, 1889, с. 56]. Исходя из всего этого, К. Аксаков делает вывод о том, все поступки человек должен совершать, руководствуясь внутренними нравственными установками, а не в результате внешнего принуждения, согласно своей внутренней свободе и осознанному выбору. Закон же, по его мнению, как и государство, возникает в результате нравственной испорченности человеческой души, которая не может руководствоваться своими внутренними убеждениями.

А. Хомяков во многом разделял взгляды своих единомышленников-славянофилов по вопросу о соотношении права и нравственности. В частности, он писал о том, что в гражданском обществе «должно быть признание человеческой правды как той цели, к которой оно обязано стремиться. Это признание, по необходимости, сопровождается верой в святость, обязательность и силу правды для всех членов общества» [Хомяков, 1900, с. 331]. А. Хомяков отмечал, что в соборном обществе «высшая нравственность», или «внутренняя правда», должны быть весомее «внешней правды», или юридической формы.

Он писал: «Римлянин поклонялся идее правды, не той внутренней правды, которая бьет живым ключом в душе, освещая и возвышая ее, а правды внешней, которая довольствуется освящением и охранением условных и случайных отношений между людьми» [Хомяков, 1900, с. 57]. Можно считать, что внешняя правда, выражаемая в правах и обязанностях, имеет дело с поступками человека, с его долгом, а внутренняя правда обращена к внутреннему миру человека, к его духовно-нравственному началу. Справедливо писал А. Хомяков: «Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы закона, не закона внешнего, который опять не что иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она и только она дает силам человека значение права» [Хомяков, 2008, с. 86].

Если человек будет исходя из понимания внутренней правды в своих поступках руководствоваться совестью, он будет совершать свои поступки добровольно, не под внешним принудительным началом. В противовес этому внешняя правда, не имеющая к вопросам нравственного выбора никакого отношения, исключительно зависит от государственного принуждения. В этой ситуации человек становится не свободным, не могущим сделать осознанный нравственный выбор. Исходя из этого, внутренняя правда играет роль духовно-нравственного регулятора в поведении человека, а внешняя правда, или закон, борется с негативными проявлениями, с нарушением этого самого закона. Поэтому, считают славянофилы, если закон не совпадает с нравственными принципами, то его можно и отвергнуть, сохраняя в душе нравственную добродетель.

Соотношение справедливости и права у славянофилов и почвенников

Интересны рассуждения А. Хомякова о соотношении справедливости и правды, где справедливость – это добродетель, имеющая правовой характер и выступающая «высшей морально-правовой общелюдской ценностью» [Клименко, 2011, с. 109]. Но справедливость предполагает еще и обязанность, без которой невозможна ее реализация в реальной действительности: «Обязанность есть единственный живой источник права» [Хомяков, 1900, с. 406].

Таким образом, «правда» как «право» является ключевым благом в гражданском обществе. В нем каждый гражданин будет признавать нравственную обязанность как высшую ценность духовно-нравственного порядка.

Славянофилы исходили из идеи о том, что если закон нарушает нравственные нормы, то такой закон не может быть принят в обществе. Главный принцип – это сохранение духовной добродетели. Поэтому в правотворческой и правоприменительной деятельности

необходимо исходить из таких норм, которые бы не противоречили духовно-нравственным установкам, сформированным в обществе.

Позиции славянофилов во многом разделяли и творчески развивали и неославянофилы, к которым можно отнести А. Киреева, Д. Хомякова, Д. Шипова и других. К примеру, А. Киреев размышлял о праве в категориях формальной правды (это юридические законы) и божественной правды (нравственные законы). Он констатировал, что в Европе формальная правда доминирует над божественной, это может нивелировать высшую правду, имеющую важное значение для русского человека. Он отмечал: «Правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало» [Киреев 2012, с. 57]

В этом же ключе рассуждал и другой неославянофил Д. Хомяков, характеризовавший формальное право как внешнее, и связывал его осуществление с принуждением. [Хомяков, 2011].

По мнению Д. Шипова, в стремлении общества к установлению высшей справедливости, внутренней правды право выступает как средство защиты материальных и духовных ценностей. Вместе с тем, в отличие от славянофильской позиции, Д. Шипов в своих рассуждениях не уделял должного внимания правовым обычаям, которые у старших славянофилов занимали промежуточное место между внешней и внутренней правдой [Шипов, 2007, с. 167].

Таких же установок придерживались и последователи славянофилов – почвенники, для которых государство и право не являлись абсолютными ценностями, как это провозглашалось в европейской правовой традиции. Каждый из представителей этого направления (А. Григорьев, братья Достоевские, Н. Данилевский, Н. Страхов) считали, что высшими нормами являются религиозно-нравственные, основанные на вере, совести, справедливости. Рассматривая закон как внешнее принудительное начало в обществе, они отмечали вслед за славянофилами, что он выступает как проявление несвободы человека, а проявлением его свободы может быть только наличие внутреннего духовно-нравственного основания, совести, любви к ближнему, милосердия и сострадания. У почвенников государственно-правовые институты должны подчиняться религиозно-нравственным установкам в обществе, но при этом не абсолютизироваться.

По этому поводу Ф.М. Достоевский отмечал: «В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят... А стало быть, "самосовершенствование в духе религиозном" в жизни народов есть основание всему, ибо самосовершенствование и есть исповедание полученной религии, а "гражданские идеалы" сами, без этого стремления к самосовершенствованию, никогда не приходят, да и зародиться не могут» [Достоевский, 2004, с. 460.] Другими словами, если разрушаются религиозные нормы, то разрушаются и государственные и общественные формы. Чтобы укрепить государственное устройство, которое эффективно боролось бы со злом, нужно сохранять религиозные ценности. Человек должен духовно совершенствоваться, и только в нравственно совершенном обществе отпадет необходимость в существовании и государства, и правоприменительных практик. Но пока общество несовершенно, то необходимо соблюдать внешний порядок, закон, который может и должен поддерживаться полицией. Так произошло в Западной Европе, где человек из чувства страха перед наказанием не нарушает закон, совсем не заботясь о духовно-нравственном совершенствовании. В идеале общество должно стать церковью, но пока это не так, надо стараться создавать такое государство, которое было бы сильным и способным дать отпор любому внешнему врагу. В качестве иллюстрации можно привести слова Н. Стрехова, который отмечал: «Наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему

государству. Одно у нас есть: мы создали, защитили и укрепили нашу государственную целостность, мы образуем огромное и крепкое государство, имеем возможность своей, независимой жизни. Немало было для нас в этом отношении опасностей и испытаний, но мы выдержали их, мы крепко стояли за идею самостоятельности и независимости» [Страхов, 2010, с. 40]. Почвенники отдавали предпочтение духовно-нравственным основаниям в жизни русского народа, а юридические нормы, закон как более низкие ступени в самопознании человека носили подчиненный характер. Человек свободно может волеизъявлять, только руководствуясь христианской совестью. В обществе, где главенствующую роль играет закон, не может быть свободы совести и духа

В свое время митрополит Илларион отмечал два возможных пути осмысления человека в мире. Во-первых, это самоутверждение в реальной, посюсторонней жизни, и во-вторых, духовное спасение. Уже в конце XIX – начале XX вв. представители русской религиозной мысли, такие как Б. Вышеславцев, Н. Афанасьев и ряд других философов права, многие из которых были вынуждены уехать из России, внимательнейшим образом исследовали вопрос о соотношении закона и благодати, права и морали.

Если происходит признание главенствующей роли права, то общество отказывается от благодати, понимаемой как результат спасительного воздействия Бога на человека. В этом случае происходит возврат к закону как к внешнему контролю со стороны государства, к страху перед наказанием. Вместе с тем философы почвы отмечают, что такое внешнее принуждение, как закон, не может регулировать внутреннюю духовную жизнь человека. Не всегда нравственные нормы и юридические могут совпадать. Можно мысленно совершать греховные поступки, но они могут осуждаться только морально, но не юридически, т. е. можно преступить в себе нравственный закон, будучи юридически законопослушным человеком. Достаточно вспомнить произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором позиции Дмитрия и Ивана Карамазовых противоположны в отношении убийства отца. Если Дмитрий готов понести нравственное наказание только за одни греховные мысли о смерти отца, то Иван юридически невиновен, хотя руками Смердякова убил его. Для Ф. Достоевского проблема человека и его нравственной составляющей, над которой он размышлял всю свою жизнь, является важнейшей.

А. Григорьев, один из ярких представителей почвенничества, имеющий юридическое образование, с романтических позиций рассматривал закон и порядок, но при этом он не абсолютизировал эти понятия. Рецензируя произведение И. Тургенева «Дворянское гнездо», он рассматривал героев с позиций, основанных на славянофильских традициях, следующим образом: «Паншин – тот деятельный человек, тот реформатор с высоты чиновничьего воззрения, тот нивелир, верующий в отвлеченный закон, в отвлеченную справедливость, который равно противен нашей русской душе, в каких бы образах он нам ни являлся» [Григорьев, 1930, с. 151]. Русскому человеку очень важна душа, внутренняя «правда». Если у человека нет святости в душе, он с легкостью нарушит нормы закона. Поэтому борьба с преступностью должна осуществляться не по пути ужесточения наказания, а по пути нравственного и духовного совершенствования, воспитания в своей душе чувства совести и справедливости. На это обращали особое внимание почвенники, предполагающие, что опасно взращивать человекобога, которому все дозволено, у которого нет никаких моральных границ в достижении своих целей. Почвенники также видели способ недопущения этого процесса, заключающийся в бережном следовании религиозным заповедям и традициям. В качестве идеала христианского устройства общества предстаёт такое сообщество людей, где люди будут творить добро без внешнего принуждения в виде законов и юридических норм. Поэтому, по мнению почвенников, высшим должен быть не государственный суд, а суд совести, который определяет, насколько нравственен поступок человека. Здесь налицо противоречие мировоззренческих оснований почвенников господ-

ствующим в секулярном обществе установкам на наказание не за помысленное правонарушение, а реально осуществленное нарушение закона.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что взгляды славянофилов и их последователей на нравственно-юридическую природу и назначение права, на соотношение внутренней и внешней правды, закон и добродетель в свое время стали основополагающими для дальнейшего развития отечественной философии права.

Авторы статьи приходят к выводу: славянофилы и их последователи исходили из того, что определяющим в обществе должен быть примат внутренней правды (справедливости) над внешней (юридическим законом). Нравственные нормы, справедливость, веру они относили к «внутренней правде», которую человек может исполнять добровольно, к «внешней правде» относили юридические нормы, законы, которые являются формами внешнего принуждения.

Можно вспомнить слова Н. Бердяева: «В славянофильском сознании решительно преобладает нравственный момент над юридическим, идея обязанности – над идеей права. В этом нельзя не видеть здоровых начал... В них жил идеал органической христианской общественности, идеал, противоположный всякому механизму, всякому формализму» [Бердяев, 2007. с. 398].

Авторы также констатируют, что почвенники углубили эти идеи, признав, что закон не может в полной мере осуществлять функцию перевоспитания человека, поэтому так важно внутреннее самоусовершенствование человека, воспитания в нем чувства религиозно-нравственной ответственности. Все поступки должны быть соотнесены с верой, с совестью, т. к. потеря религиозных основ ведет к усилению роли юридических норм, наказания, которые не сделают людей более счастливыми. В обществе люди должны руководствоваться не нормой права, а судом Божиим, судом совести. На наш взгляд, этот путь долгий, а пока нужно находить баланс между религией, моралью и правом и постепенно продвигаться по пути создания справедливого гражданского общества.

Список источников

- Аксаков К.С. 1889. Полное собрание сочинений. Т. 1: Сочинения исторические. М., Университетская типография, 632 с.
- Аксаков К.С. 2014. Сборник статей. М., Книга по Требованию, 634 с.
- Бердяев Н.А. 2007. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. М., АСТ, 445 с.
- Григорьев Ап. 1930. Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли (Из записок ненужного человека). Воспоминания: 151-152.
- Достоевский Ф.М. 2004. Собр. Сочинений. В 9 т. Т. 9. Кн. 2. Дневник писателя. М., Астрель, 603 с.
- Киреевский И.В. 1911. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к гр. Е.Е. Комаровскому). В кн.: Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. М., Типография Императорского университета, 300 с.
- Киреевский И.В. 2007а. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. В кн.: Духовные основы русской жизни. М., Институт русской цивилизации, 445 с.
- Киреевский И.В. 2007б. В ответ А.С. Хомякову. В кн.: Духовные основы русской жизни. М., Институт русской цивилизации, 445 с.
- Страхов Н.Н. 2010. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 576 с.
- Хомяков А.С. 1900а. К сербам. В кн.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. М., Университетская типография, 420 с.
- Хомяков А.С. 1900б. О юридических вопросах. В кн.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. М., Университетская типография, 420 с.
- Хомяков А.С. 1900в. По поводу статьи И.В. Киреевского. В кн.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. М., Университетская типография, 420 с.

- Хомяков А.С. 2008. Всемирная задача России. В кн.: Православие. Самодержавие. Народность. М., Институт русской цивилизации, 568 с.
- Хомяков Д.А. 2011. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия). В кн.: Православие. Самодержавие. Народность. М., Институт русской цивилизации, 568 с.

Список литературы

- Васильев АА. 2012. Консервативная правовая доктрина России: общетеоретические аспекты. М., Юрлитинформ, 332 с.
- Клименко Т.М. 2011. Справедливость как принцип права. Вектор науки Тольяттинского государственного университета, 1(4): 109–136.
- Киреев А.А. 2012. Учение славянофилов. М., Институт русской цивилизации, 631 с.
- Шипов Д.Н. 2007. Воспоминания и думы о пережитом. М., РОССПЭН, 678 с.

References

- Vasil'yev AA. 2012. Konservativnaya pravovaya doktrina Rossii: obshcheteoreticheskiye aspekty [Conservative Legal Doctrine of Russia: General Theoretical Aspects]. Moscow, Publ. Yurlitinform, 332 p.
- Klimenko T.M. 2011. Spravedlivost' kak printsip prava [Justice as a principle of law]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(4): 109–136.
- Kireyev A.A. 2012. Ucheniye slavyanofilov [Teachings of the Slavophiles]. Moscow, Publ. Institut russkoy tsivilizatsii, 631 p.
- Shipov D.N. 2007. Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and thoughts about the experience]. Moscow, Publ. ROSSPEN, 678 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.06.2022
Поступила после рецензирования 19.09.2022
Принята к публикации 30.10.2022

Received June 06, 2022
Revised September 19, 2022
Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
ORCID: [0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

Липич Дмитрий Васильевич, аспирант Юридического института Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
ORCID: [0000-0001-5046-029X](https://orcid.org/0000-0001-5046-029X)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
ORCID: [0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

Dmitry V. Lipich, postgraduate student at the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
ORCID: [0000-0001-5046-029X](https://orcid.org/0000-0001-5046-029X)